

Егор Зайцев - один из интереснейших лично для меня дизайнеров российской моды. Он их тех, кто, выходя за рамки привычного, удачно попадает "в яблочко" актуальных тем. Возможно, он опережает моду на многие годы, только мы узнаем об этом только спустя эти самые годы. Проверим?

В минувшую субботу я была у Егора в гостях в Доме Моды Slava Zaitsev, вернее, в модельном агентстве. Девочки-модели во главе с Катей Ромашкиной устраивали генеральную уборку и наряжали елку, в кабинете Егора стояли коробки с конфетами и печеньем - накануне отмечали 18-летие Маруси Зайцевой...

А поскольку по факту о Егоре Зайцеве я почти ничего не знала (а вы много знали до этого момента?), то решила начать с самого начала - с того, как он вообще стал дизайнером.

- Как появился дизайнер Егор Зайцев?

- Появился генетически, от папы с мамой. А если брать меня как дизайнера-художника-модельера, то после института, куда я по блату поступил и где до 5 курса не понимал, в чем дело, случилась судьбоносная встреча с Карденом в 1983 году, когда я работал у него одевальщиком во время московского показа. После беседы с ним у меня буквально мир открылся. До этого я думал, что художник – это так, костюмчиками побаловаться, папу не понимал совершенно, не мог оценить его. А когда Карден рассказывал, что он делает корабли, унитазы, кресла, шпроты, рестораны и т.п., меня вдруг торкнуло. Я понял, что художник правит миром.

- И начался долгий путь к художнику?

- Долгий. В 1983 году отец взял меня работать по распределению, я лет 8 работал в салоне, потом на приеме заказов мужской одежды, в салоне на фурнитуре, и начал делать небольшие коллекции, которые отец брал в свои показы. Так было с 83 года по 90-ые: я делал в его коллекцию в основном мужскую одежду. Уже тогда стебался: если он вводил, к примеру, женские пелерины, я делал мужские, при этом старался, чтобы это было не-пидовочно, несерьезно. Я обычно реагировал на какие-то события: ГКЧП,

еще что-нибудь, и от них адаптировал, стилизовал образы.

Потом были очереди продаж. Мы с Леной Макашовой делали много всего, очереди стояли на прием этих заказов, просто золотая пора была. Даже какие-то мои эскизы джинсового дизайна пошли в дело.

А в 90-м отец сказал – делай самостоятельные коллекции, с группой художников. Раньше не было сезонности, обычно показывали одну общую коллекцию, в ней было все: день, вечер, спорт, кутюр, показы были по часу, а у папы и по полтора. Я сразу стал играть не по правилам: стал делать показы без комментариев, нон-стоп, периметры – это вообще считалось пошлостью, театральность. Я недавно понял, что ненавижу зал. В зале сидели все время тетки, которые любили, боготворили отца, рисовали фасончики. И поэтому мне всегда хотелось – что потом отразилось, в будущие годы, - чуть-чуть плюнуть залу в лицо. Вещами плюнуть не мог, поэтому плевал музыкой. Брал тяжеляк, панк-рок, по 6-7 минут шли эти композиции. Понятно, что не очень-то меня любили. Конечно, аудиторию какую-то приобрел, но я делал это для себя. И сразу после показа не выходил в зал, а поднимался на восьмой этаж и смотрел в окно, как уходят люди. Мне говорили, что так нельзя делать.

Вся эта фигня длилась примерно до 2000 года. Вещи продавались, были показы. А потом начались у Дома проблемы, хотя все равно мы работали, но коллекций я делал мало, в основном мужской кутюр.

- Что послужило толчком к "новому" Егору Зайцеву?

- Наверное, какие-то душевные проблемы, и проблемы в отношениях с отцом. Этот кризис вылился даже не столько в протест, сколько в откровение – в "неносимые" вещи. Я слишком хорошо знал, как рисовать, как работать на конструктивной основе Дома, работать с деталями, карманами, патами, всем этим овладел, но хотелось выйти за пределы стандарта. Я честно всем заявил, что не претендую на носимость одежды, даже арт-объектами не называл, это была "странная одежда". Да, самовыражение, да, неносимое искусство, какие угодно ярлыки вешайте. Мне глубоко наплевать, я просто так делаю.

- Притом, что она легко надевается и удобно носится...

- Да! Вот в том и дело, что все действительно специалисты сразу это отмечали, кто доброжелательно ко мне относился. Да, тяжелые, но все удобные и на базе классики Дома, того стиля, который был у нас. Но хотелось выйти за рамки. Шел от эскиза: рисую рукав, вот линии пересеклись – и пошли дальше. Рисую по горизонтали – так рукав может и на три метра вытянуться. Графика превращается в ветку, в щупальце, - почему бы и нет? Давайте доводить до абсурда. И был период, когда это просто проперло, буквально бежал домой каждый день, чтобы рисовать. Сложнее всего было это адаптировать с конструкторами, конечно. Всегда долго коллекция готовилась. Тогда я, например, придумал "антилекало": вырезаешь нужную деталь, остается дыра, кладешь эту форму на ткань, вытягиваешь из дыры материю, мнешь ее, придаешь ей какую-то фактуру, потом фиксируешь – и вырезаешь готовую вроде бы правильную деталь. Уходило много ткани, но это давало ей некоторую жизнь. Чтобы придать конструкциям устойчивую форму, стал вставлять синтепон, поролон, проволоку, как студент, вернулся к строительным рынкам, давая понять, что я все это знаю. И этот свой постмодернизм я никогда не считал серьезным.

- И какова была реакция на первую подобную коллекцию?

- В 2004 году я дебютировал на RFW. Публика разделилась: появились фанаты в студенческой среде, а старой формации "модные" журналисты меня поучали, но не понимали в достаточной степени, что это был своего рода стеб. Я сделал моделям зализанные пучки, белые носочки, белые рубашечки, поставил на высокие каблуки, желая простебать эстетику отца, подать ее в гипертрофированной форме. Я перешел на 15-минутный формат, у меня был четкий периметр, я стал играть по правилам. Без правил уже наигрался к тому времени и по сути дела в этом своем новом стиле шел от безысходности. И внезапно удивило то, что часть аудитории меня приняла, причем в основном западная. В первый же сезон были публикации в Elle, других журналах - за рубежом, конечно, знакомили с какими-то крутыми тетками – эта атмосфера меня буквально накрыла. А свои, естественно, не понимали. Был момент на Неделе, как раз мне только сообщили о том, что о моей коллекции были публикации, была своего рода ложка дегтя: сидим в Т-модуле на Тишинке, пьем чай, подходит Хромченко, покровительственно так меня по плечу: ну что, молодец, Егор, ты для театра ничего не пробовал делать? И пошла дальше. Я и так-то ее не особенно любил, но такой плевков...

Впрочем, я закаленный, привык, что в меня всегда кидали камнями, обвиняли, что папа дал денег, дескать, у него много, - полный бред. Поэтому я критику от критики отделяю.

На подобный бред не отреагирую, а вот если напишут что ужасные конструкции, старомодный дизайн, нитки торчат, ужасно сшито – это другой вопрос, это моя проблема. Но я никогда не выпускаю на подиум недошитые вещи, все-таки школа отца, хоть я и не его воспитанник.

- Следом за откровением "неносимой" одежды мы внезапно видим новые коллекции, которые не только можно – нужно носить. Что изменилось?

- Да, я сделал откат в сторону носибельности. Плакал, когда рисовал эти вещи, не давал себе выходить за какие-то грани, а потом видел на примерке и думал – боже, какая красота! Что-то происходит у меня в голове, вернее, начало происходить около года назад. Стал больше читать о том, что пишет пресса о нашей модной индустрии – и возникло желание вернуться вновь, с новым багажом, "в лоно" и начать делать что-то вроде того, что сейчас. Я смотрел, как развиваются наши отечественные марки – INCITY, O'STIN, ТВОЕ, как возникает мода на коллаборации, и понял, что это круто и правильно. И что я тоже хочу взять какой-то совковый наш, беспарфосный бренд и рисовать для него. То, о чем я мечтал: я рисую, и есть готовое производство, которое это шьет. Чтобы было так, как это происходит на Западе - и как этого практически нет у нас. Тем более что перед глазами у меня есть образец – Татьяна Парфенова, которая делает не только одежду и аксессуары, у нее и мебель, и домашний текстиль, и весь Санкт-Петербург под ней! И главное – все так любовно сделано, во всем видна она. Это то, о чем как раз много лет назад говорил мне Карден, - пример того, как дизайнер проникает во все сферы жизни.

Возможность осуществить эти планы уже замаячила на горизонте - не буду ничего говорить, чтобы не сглазить, только желаю удачи Егору. И не делаю логического завершения беседы, потому что любой финал всегда слишком формален. И есть еще много разных поводов поговорить - например, о музыке и музыкантах, с которыми Егор сотрудничает, о жизни байкера из "Ночных волков" и жизни отца замечательных дочек... Непременно побеседуем еще!

2011

2010

2010

2007

2005